ГЛУХАЯ ЗЕМЛЯ

18+

ALECKX

Глухая земля

«Автор»
2026

ALECKX

Глухая земля / ALECKX — «Автор», 2026

"Глухая земля" — это философско-мистическая антиутопия, текст-предупреждение, не предназначенный для увеселительного чтения. Сюжет здесь строится не на событиях, а на системе зеркал и смысловых рифм. Бюрократическая машина показана как безупречно работающий, но абсолютно враждебный человеку механизм, который питается чужими словами. Победить этот механизм невозможно — из него можно только выйти, вернув личную ответственность за каждое произнесенное слово.

© ALECKX, 2026
© Автор, 2026

Содержание

ПАПКА 6
ПРОЛОГ 8
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ВОСК 10
ГЛАВА ПЕРВАЯ. ДЕМОНЫ КОНЧИЛИСЬ 10
ГЛАВА ВТОРАЯ. ЖЕНЩИНА С ВОДЫ 13
ГЛАВА ТРЕТЬЯ. ЯЗЫК НА РУКАХ 15
ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ. ИОРК 17
ГЛАВА ПЯТАЯ. ОБРАТНЫЙ АДРЕС 20
Конец ознакомительного фрагмента. 22

Глухая земля

ГЛУХАЯ ЗЕМЛЯ

ПАПКА

Папку нашли при пересчёте фондов в пятницу, в окружном архиве на юге Иллинойса, когда в читальные залы не пускают никого. Лежала она не там, где была описана. По описи значилось «стеллаж четыре, ящик двенадцать», а нашлась она лицевой стороной вниз на нижней полке ящика тридцать один, под бухгалтерскими книгами шестьдесят второго года.

Честная бумага так не лежит. Её кладут и оставляют, и она ждёт на месте. Эта лежала иначе, как лежат вещи, спрятанные не от людей, а от учёта, туда, куда учёт не заглядывает.

На обложке под пылью шёл гриф, которого архивариус не видела ни разу за восемь лет работы.

«До особого распоряжения. Не выдавать. Не копировать. Не пересчитывать».

Последнее слово было лишним, и эта лишность тревожила больше всего. Ведь бумагу, которую запрещено пересчитывать, нашли при пересчёте. Значит, пересчитал кто-то, кому было можно.

Внутри лежали: рукопись, сшитая суровой ниткой; отдельный лист описи, датированный 1879 годом, с примечанием; газетная вырезка, пожелтевшая так, что хорошо читались только середина и четыре строки в конце; лист казённой бумаги с орлом в шапке. Год на листе был отрезан ножницами ровно, по линейке. Внизу стояла подпись полным именем. Маркус Крейн.

Вырезка, впрочем, не пропала целиком. Полный её текст стоял первой страницей рукописи: его переписали той же рукой, что и всю рукопись, пока бумага ещё читалась.

Рукопись была писана одной рукой, женской, торопливой, с поправками на полях, но не за один раз. Черновик её помечен шестьдесят первым годом, набело её переписали позже, когда события уже легли в строку и время в ней выровнялось. Опись сделана другим почерком, ровным, конторским, без единой помарки. Под примечанием к ней стояли две буквы. Тогда архивариус их не разобрала.

Под рукописью, прижатый её весом, лежал ещё один лист, и на нём год отрезан не был. Бланк военного департамента, апрель 1861 года. В описи его не было. Орёл в шапке, внизу подпись, под подписью: «ответственный за устойчивость регламентов». Имя указано иное.

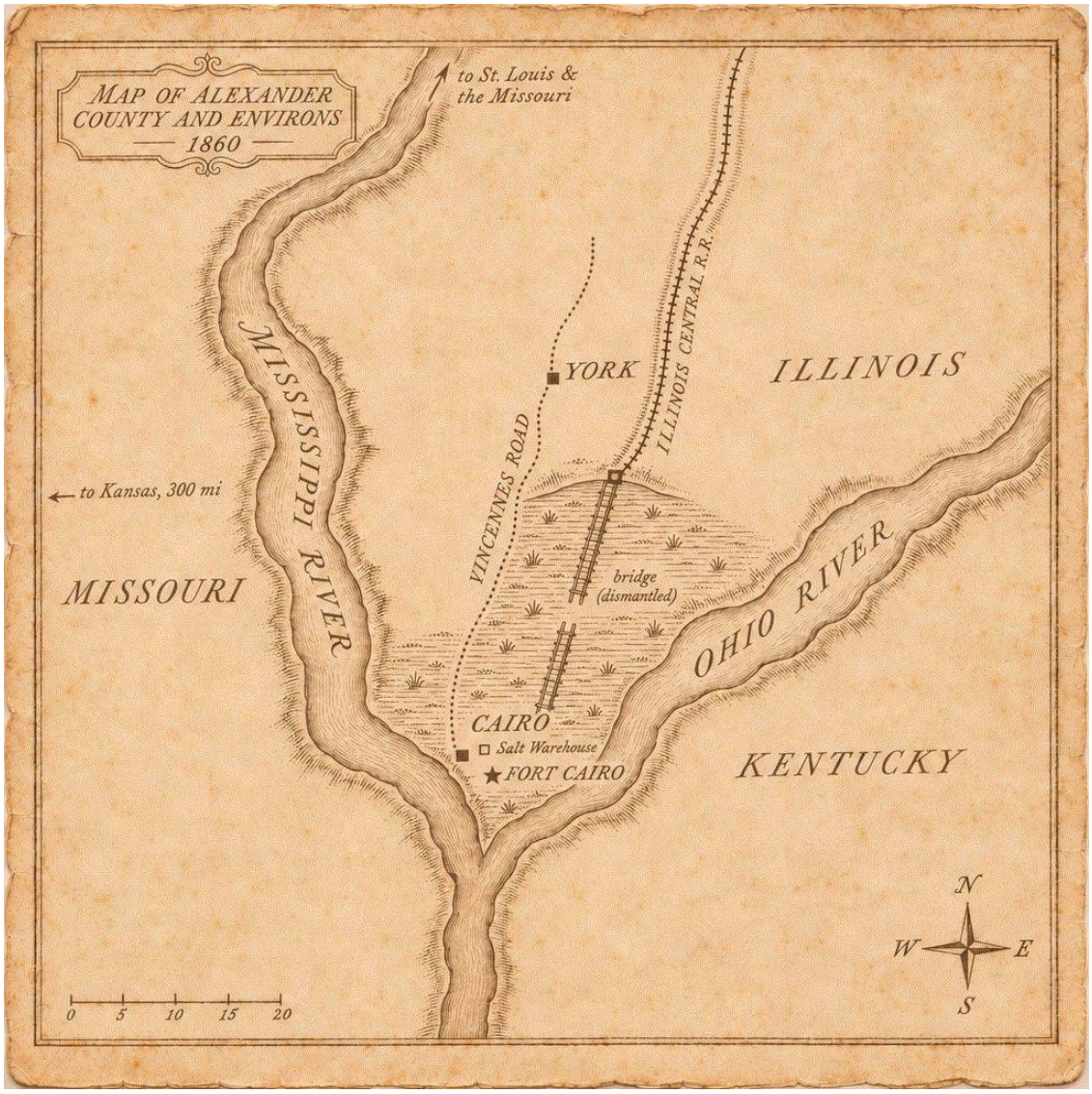
Архивариус работала по временному контракту: четырнадцать месяцев, доля ставки и подписка о неразглашении. Контракт она подписала не читая, как подписывают люди, которым некуда уходить. Восемь лет она выговаривала себе продления.

В журнале приёма фондов против пятницы стояла её подпись, коротко, по форме: Р. О.

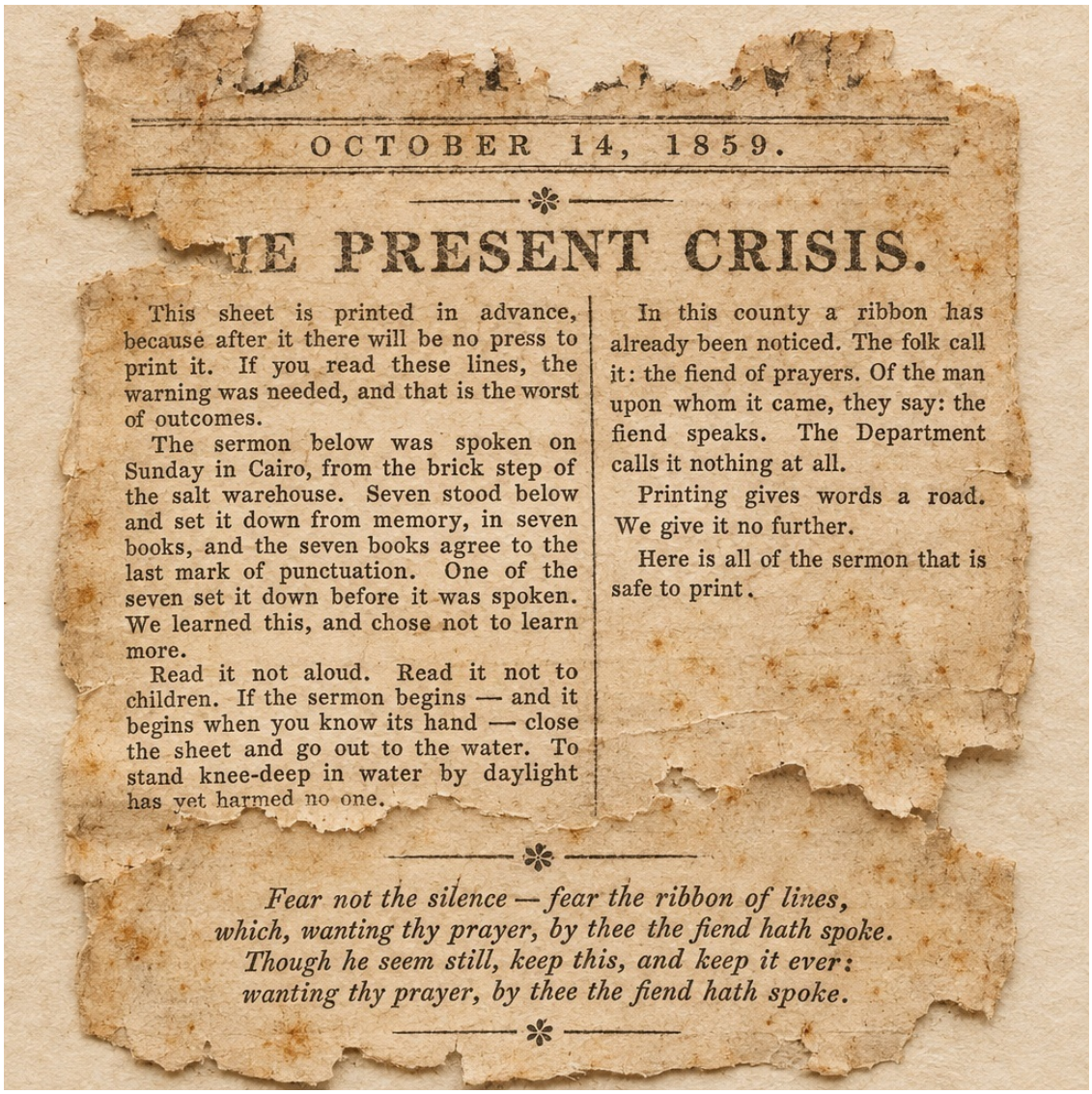
Пока она переписывала шифр папки в журнал, у неё в кармане замигал телефон. Рука достала его раньше, чем голова решила: экран показал обновление ленты. Она прочла заголовок, отправила отметку «прочитано» и вернулась к бумагам.

Заголовок кончался словами «Боже, благослови Америку». Этой формулой в стране закрывают речи, стадионы и военные сводки. У формулы был автор, но она давно принадлежала всем, то есть никому. Её произносили, как прикладывают печать, и ни один рот за неё не отвечал.

Отметку она отправила, не заметив, что отправляет. К этому привыкают. И от этого не отвыкают.


MAP OF ALEXANDER
COUNTY AND ENVIRONS
1860
to St. Louis &
the Missouri
ILLINOIS CENTRAL R.R.
YORK
ILLINOIS
VINCENNES ROAD
MISSISSIPPI RIVER
to Kansas, 300 mi
MISSOURI
bridge
(dismantled)
OHIO RIVER
CAIRO
Salt Warehouse
FORT CAIRO
KENTUCKY
N
W
E
S
0 5 10 15 20

ПРОЛОГ



OCTOBER 14, 1859.

IE PRESENT CRISIS.

This sheet is printed in advance, because after it there will be no press to print it. If you read these lines, the warning was needed, and that is the worst of outcomes.

The sermon below was spoken on Sunday in Cairo, from the brick step of the salt warehouse. Seven stood below and set it down from memory, in seven books, and the seven books agree to the last mark of punctuation. One of the seven set it down before it was spoken. We learned this, and chose not to learn more.

Read it not aloud. Read it not to children. If the sermon begins — and it begins when you know its hand — close the sheet and go out to the water. To stand knee-deep in water by daylight has yet harmed no one.

In this county a ribbon has already been noticed. The folk call it: the fiend of prayers. Of the man upon whom it came, they say: the fiend speaks. The Department calls it nothing at all.

Printing gives words a road. We give it no further.

Here is all of the sermon that is safe to print.

Fear not the silence — fear the ribbon of lines,
which, wanting thy prayer, by thee the fiend hath spoke.
Though he seem still, keep this, and keep it ever:
wanting thy prayer, by thee the fiend hath spoke.

Предупреждение, вырезанное из «Каирской газеты» от 14 октября 1859 года

Этот листок печатается впрок, заранее, потому что печатать его потом будет некому. Если вы читаете эти строки, значит, предупреждение понадобилось, а это худший из исходов.

Ниже следует проповедь. Её произнесли в воскресенье в Каире, с кирпичной ступени соляного склада. Семь человек, стоявших внизу, записали её по памяти в семь тетрадей, и все семь совпадают до знака препинания. Один из семи записал её раньше, чем она была произнесена. Мы это выяснили и не стали выяснять больше.

Не читайте её вслух. Не читайте её детям. Если проповедь началась (а начинается она с того, что вы узнаёте её почерк), закройте листок и выйдите к воде. Стоять по колено в воде при свете дня ещё никому не вредило.

В округе уже замечена лента. В народе её зовут бес молитв. О человеке, у которого она пошла, говорят бес молвит. В департаменте её не зовут никак.

Печать даёт словам дорогу. Дальше мы её не даём.

Вот всё, что от проповеди печатать безопасно.

«Не бойся тишины, а бойся ленты строк,
Что без тебя тобою бес молитв изрёк.
Хоть кажется, что он безмолвит,
Запомни — без молитв бес молвит.»

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ВОСК

ГЛАВА ПЕРВАЯ. ДЕМОНЫ КОНЧИЛИСЬ

Комендант майор Авраам Киддер проснулся до рассвета, потому что демоны в голове кончились и надо было заказать новых.

Он так и думал о них: кончились, как кончается соль в бочке. Днём они расходуются на подпись рапортов, на приветствие караулов, на еду, вкуса которой он не помнил, а к ночи в голове остаётся пустое дно. Тогда они говорят заново, с самого начала, внятно, по складам, и майор лежит неподвижно и записывает.

Народным словом он их не называл. Народное слово говорило о пришедшем, а к нему ничего не приходило: оно росло в нём, тихо, изнутри.

Записывал он в вашингтонские бланки. У демонов с перекорёженным, глухим, тлеющим голосом, у демонов, которые пели ему ладаном и углём, был почерк военного департамента. Это стало главным его открытием за зиму. Когда они диктовали, а он переносил их слова в официальную бумагу под шапку «Сведения о положении в округе», слова ложились ровно, и отличить их от донесения было нельзя. Дважды к ним прилагали печать, и один раз (не он это сделал, клянусь, не он) печать оказалась верной.

Открытие шло дальше, чем он видел. Иногда рука кончала строку раньше, чем он успевал её продиктовать, и он не удивлялся: почерк был департаментский и знал форму до нажима пера.

Так Вашингтон читал не рапорты майора Киддера, а самих демонов, и, надо думать, читал с аппетитом: каждый месяц из столицы приходило подтверждение «продолжайте».

В эту ночь демонов не было. Голова была чистая, как пол перед балом. Майор лежал на походной койке в каземате форта Каир и смотрел в потолок из кедровых досок. Одна доска давно прогибалась вниз, точно над его лицом, и много лет он ждал, что она решится.

Снаружи стояла вода. Вода стоит тихо, шумит только её движение, а Миссисипи в октябре почти не двигалась. Форт Каир стоял на суше, с трёх сторон окружённый двумя реками. Его строили для обороны, а вышла тюрьма, повёрнутая к стране спиной. Единственный мост на север, через залитую разливом пойму к железнодорожной дамбе, разобрали весной по приказу, который Киддер подписал не читая. В приказе стояло: «во избежание». Чего именно, он так и не узнал. Может быть, того, чтобы кто-нибудь ушёл.

Он поднял руку и толкнул доску снизу, в сотый раз за эти годы. Доска качнулась и вернулась на место. Кедр пах смолой, стены держали ночной холод, и больше в каморке ничего не происходило.

В дверь постучали три раза и ещё раз. Такой условности в форте не существовало, и потому майор встал.

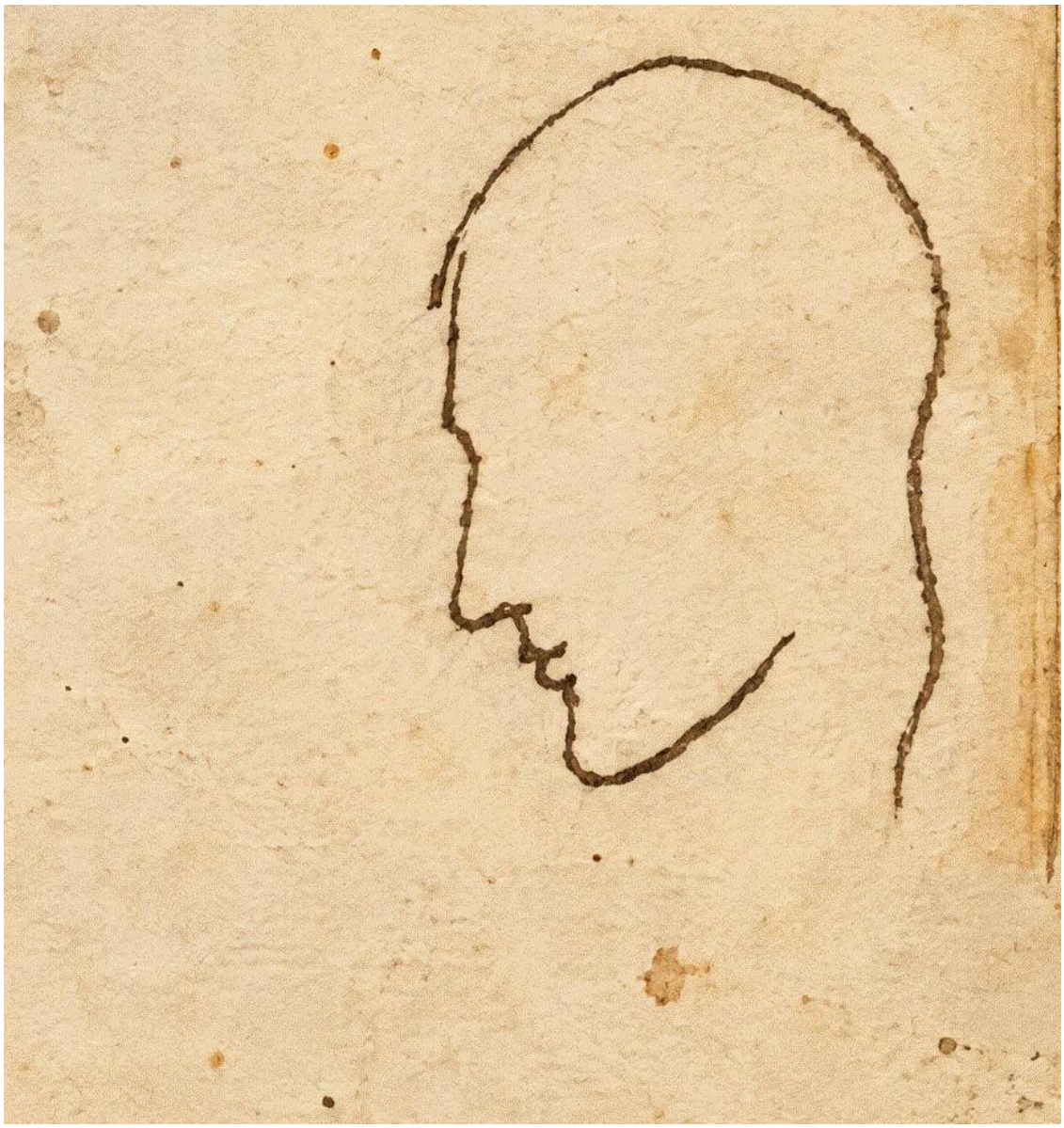
За дверью, держа масляный фонарь на уровне плеча, стоял мальчик. Звали его Джошуа, и он был глух от рождения. Глухоту ему дала земля, с которой его сняли: остров, где в каждой семье она передавалась, как цвет глаз, где язык был на руках и где глухие жили не беднее прочих, просто другими деревнями. Форт забрал его по контракту три года назад, за долю соли и бумагу на прииски. С тех пор Джошуа работал при канцелярии: разбирал, скоблил, переписывал. Голос у него остался, но управлять им он не умел и потому молчал. Как потом оказалось, это спасло форту Каир сорок восемь человек.

Из рукописи. Поправка той же руки, счёт вписан позже:

Точнее, не спасло. Оттянуло. И вся разница между тем, что произошло потом, и тем, что могло произойти, уместилась в этих двух словах.

Джошуа не говорил. Он поднял фонарь, осветил своё лицо снизу, как освещают лицо привидения, и показал руками: с докового мостика видна лодка, в лодке никто не гребёт, её несёт течением, а в лодке женщина, и весло лежит у неё поперёк колен.

Майор Киддер посмотрел на мальчика так, будто услышал что-то очень важное. Потом снял со стены саблю, хотя в форте сабель давно не носили, и повесил обратно. Потом достал из стола ночной лист бумаги и стал ждать, наклонив голову набок и насторожив уши.



Демоны не пришли. Впервые за одиннадцать месяцев в его голове было тихо, и эта тишина так походила на приказ, что майор подчинился ей немедленно.

Он взял у Джошуа фонарь и вышел на западную стену форта, откуда Миссисипи видна была вся: тёмная, гладкая, шириной с небо.

Вниз по течению, со стороны Миссури, шла лодка. В ней сидела женщина и не гребла. С берегов ей навстречу (майор различил это раньше, чем понял) сходились люди, с обеих сторон, из Миссури и из Иллинойса. Шли они не шагом, а так, как сходятся к краю проруби, и стояли молча, и смотрели на лодку.

Женщина смотрела на форт. Ещё с воды было видно, что помощи она не просит. Она проверяла, есть ли он.

— Господи, — сказал майор Киддер, и голос, одиннадцать месяцев не звучавший вслух, сорвался. — Они же услышат.

Но услышать было некому. И тогда он понял, чего ему не хватало все эти месяцы, чего не давали ни демоны, ни пустая голова, ни ровно ложившиеся рапорты: кого-то, кто не слышит.

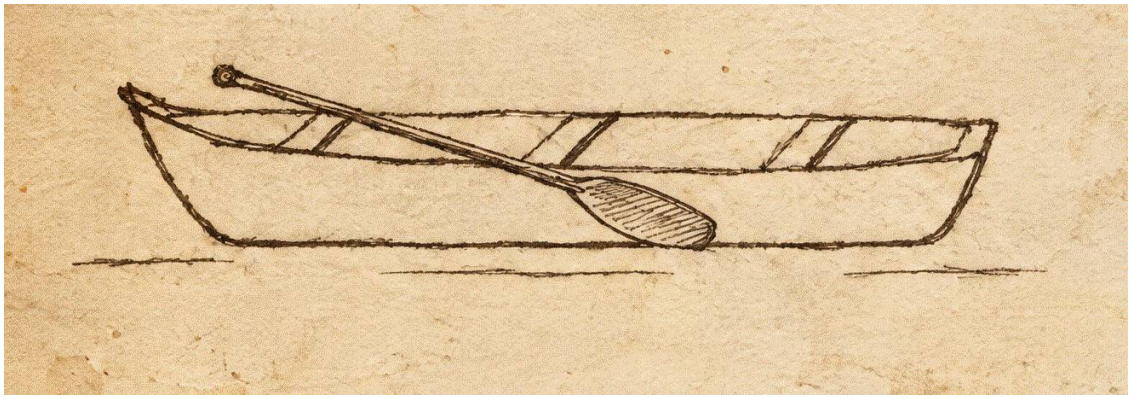
Он повернулся к мальчику и сказал громко, по-военному, как приказывают строю:

— Джошуа. Ступай в канцелярию. Возьми все чистые листы и сожги.

Мальчик не понял, но не слов, а самого факта голоса. Майор повторил. Мальчик пожал плечами, как пожимают в ответ на безумие взрослого мира, и пошёл в канцелярию, где лежали четыреста листов: бланки из Вашингтона, готовые рапорты, бумаги, к которым прилагалась печать.

А майор Киддер остался один на западной стене ждать женщину.

Он ещё не знал, что она везёт не весть о чуме, а весть о том, кто её начал.



ГЛАВА ВТОРАЯ. ЖЕНЩИНА С ВОДЫ

Лодка ткнулась носом в сваю причала, и женщина перебралась на доски без посторонней помощи, привычно, по-хозяйски, как перебираются там, где помогать некому.

Звали её Мэрибет Талл. Вдова. Муж её, лейтенант милиции Миссури Томас Талл, уехал на Восток семь лет назад в почтовом фургоне, с чемоданом донесений и без разрешения на обратный проезд: запрашивать разрешение было не у кого. За рекой, по ту сторону Канзаса, почта кончалась вместе с картой. Три года вестей не было. Потом пришла депеша департамента, короткая и казённая: носитель утрачен при исполнении, ущерб принят на баланс. По всем правилам Томас Талл умер. А письма начали приходить после депеши, и все за его подписью.

В августе через Каир прошёл караван переселенцев с севера. Говорили, что мормоны, люди, которых Восток числил в заблудших. Старший каравана, не глядя на Мэрибет, передал ей свёрток. В свёртке лежали часы Томаса, спешившие ровно на семь минут, письмо за его подписью и запечатанный конверт без адреса. Письмо было старым: бумага пожелтела на сгибах, чернила по краям выцвели, шло оно к ней годы. С тех пор Мэрибет носила письмо за подкладкой корсета, а конверт не открывала, потому что адрес на нём был написан не его рукой.

Часы она сверяла дважды в день. Они спешили на семь минут; она это знала и всё равно ставила по ним дорогу.

Значит, у кого-то были и её адрес, и его подпись, и взяли их не для того, чтобы утешить вдову.

Была у неё и своя наука, отцовская. Отец служил окружным писарем и учил одному правилу: чужими словами пиши сколько угодно, чужого имени не ставь. Однажды она его нарушила: вписала в прошение имя хворого соседа. Сосед выздоровел и спросил, кто писал за него, и отвечать пришлось обоим. С тех пор она знала цену имени, поставленного чужой рукой.

В Вашингтон она писала одиннадцать раз. Одиннадцать писем ушли в департамент и не вернулись. На двенадцатое через несколько недель пришёл ответ, но не от военного департамента, а от страховой конторы, страховавшей речные грузы. Формулировку из него Мэрибет потом повторяла в темноте, как молитву, ставшую ругательством: «ущерб не подтверждён документально, поскольку территория отсутствует в реестре наблюдаемых».

Территория отсутствует. Так Вашингтон умел сказать о живой земле с живыми людьми.

Теперь она стояла на сваях причала форта Каир, в сапогах на каблуке, с продранной правой подошвой, и смотрела на человека, спускавшегося к ней по трапу.

Майор Киддер оказался выше, чем она рассчитывала, и старше. Прежде всего она отметила, что шёл он осторожно, как человек, который не уверен, где кончается его тело. На последней ступени он остановился, собрал губы и сказал:

— Мадам. Прошу. У нас тут с этим сложно.

— С чем, майор? — спросила Мэрибет, потому что спросить что-нибудь было надо.

— Со словами, — сказал Киддер с чистой, почти детской надеждой, будто это всё объясняло. Потом спохватился, что сказал вслух, и повёл рукой: не то.

— Мой муж на Востоке, — сказала она. — Уже семь лет. Последнее письмо пришло в августе. Мне нужны ваши бумаги на проезд.

— Бумаги у нас есть, — сказал Киддер. — Печать тоже. Всё есть. — Он помолчал и добавил тише, как на исповеди: — Только не просите меня ничего подписывать. Лучше не надо. Я подписываю хорошо.

Мэрибет смотрела на него и понимала, что перед ней не сумасшедший. Сумасшедших в её жизни на фронтире хватало, породу она знала. Перед ней был человек, который запретил себе врать самому себе и держался на этом запрете, как на последнем тросе.

— Хорошо, — сказала она. — Не прошу. У меня есть вещь, которую нужно отдать тому, кто не читает. Есть такой в форте?

— Двое, — сказал Киддер. — Оба солдаты, и оба неграмотны по нужде. Но вам нужен мальчик.

Мэрибет не удивилась или, вернее, не показала удивления, что на фронтире одно и то же.

— Мальчик, — согласилась она. — Я слышала про его руки. Мне нужно, чтобы он снял с меня слова. То, что у меня под сердцем, пусть он перескажет вам, а вы запишете собственной рукой, чтобы между мной и бумагой не осталось ни одного звука.

Киддер долго смотрел на неё. Потом кивнул куда-то в сторону реки.

— Он глухой, мадам. Но я подозреваю, что глухота у него не от ушей.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ. ЯЗЫК НА РУКАХ

Канцелярия форта Каир занимала каменный подвал с двумя окнами вровень с землёй. Пахло свечным воском и ржавым сургучом. Вдоль стен стояли шкафы, опустевшие накануне: ночью Джошуа сжёг четыреста листов, но не всё. Бланки Вашингтона он сжёг, а бумаги столетней давности, инвентарные книги и прошлогодние реестры соли оставил, потому что бумага бумаге рознь. Уже тогда в этом виден был характер мальчика. Холопского в нём не было. Своего было сколько угодно.

Мэрибет села напротив него и без стеснения вынула конверт из-под корсета. Положила его на стол не к себе, а к нему, в центр.

Джошуа не потянулся к конверту. Он смотрел на её губы.

— С этого начнём, — сказала Мэрибет и медленно, раздельно, чтобы он читал с губ, проговорила: — Меня зовут Мэрибет Талл. Мой муж Томас Талл. Он уехал на Восток.

Джошуа повторил это руками, и это был не перевод: он говорил сам. Руки шли по воздуху, и Киддер, стоявший в углу с открытой тетрадью, почувствовал, как между ними что-то прошло, минуя его. Описать это он мог только так: будто между людьми ненадолго протянули верёвку и вместо узла по ней прошёл свет.

Потом Джошуа снова посмотрел на конверт.

— Откройте, — сказал он вслух. Голос у него был странный: правильный по устройству и неправильный по ритму, как у колокола, в который бьют не в свой час.

Мэрибет разорвала конверт.

Внутри лежало не письмо Томаса, а бланк департамента с орлом в шапке и подписью, которую Мэрибет, дочь окружного писаря, опознала с одного взгляда: рука секретаря военного министра. Лист был датирован мартом, за годы до отъезда Томаса. В графе «наследуемые полномочия» стояло одно слово.

Мэрибет прочла его и поняла, почему муж до отъезда не знал, что едет. Лист был адресован не ему, а его замене, человеку, которого уже выбрали. Он предписывал, что делать с территорией, если носитель не вернётся в срок. Слово в графе было «смыть».

Джошуа лист не читал. Он смотрел на лицо Мэрибет, пока оно читало, и руки его начинали двигаться раньше, чем она успевала что-то сформулировать. Ничего страшнее Киддер за все одиннадцать месяцев не видел: руки мальчика знали содержание листа.

— Он не хочет говорить это руками, — прошептал Киддер.

— Он не может иначе, — тихо сказала Мэрибет. — В этом и дело, майор. Руки не умеют врать. Рот умеет. Вы для Вашингтона писали то, чего никто не говорил. А руки так не могут.

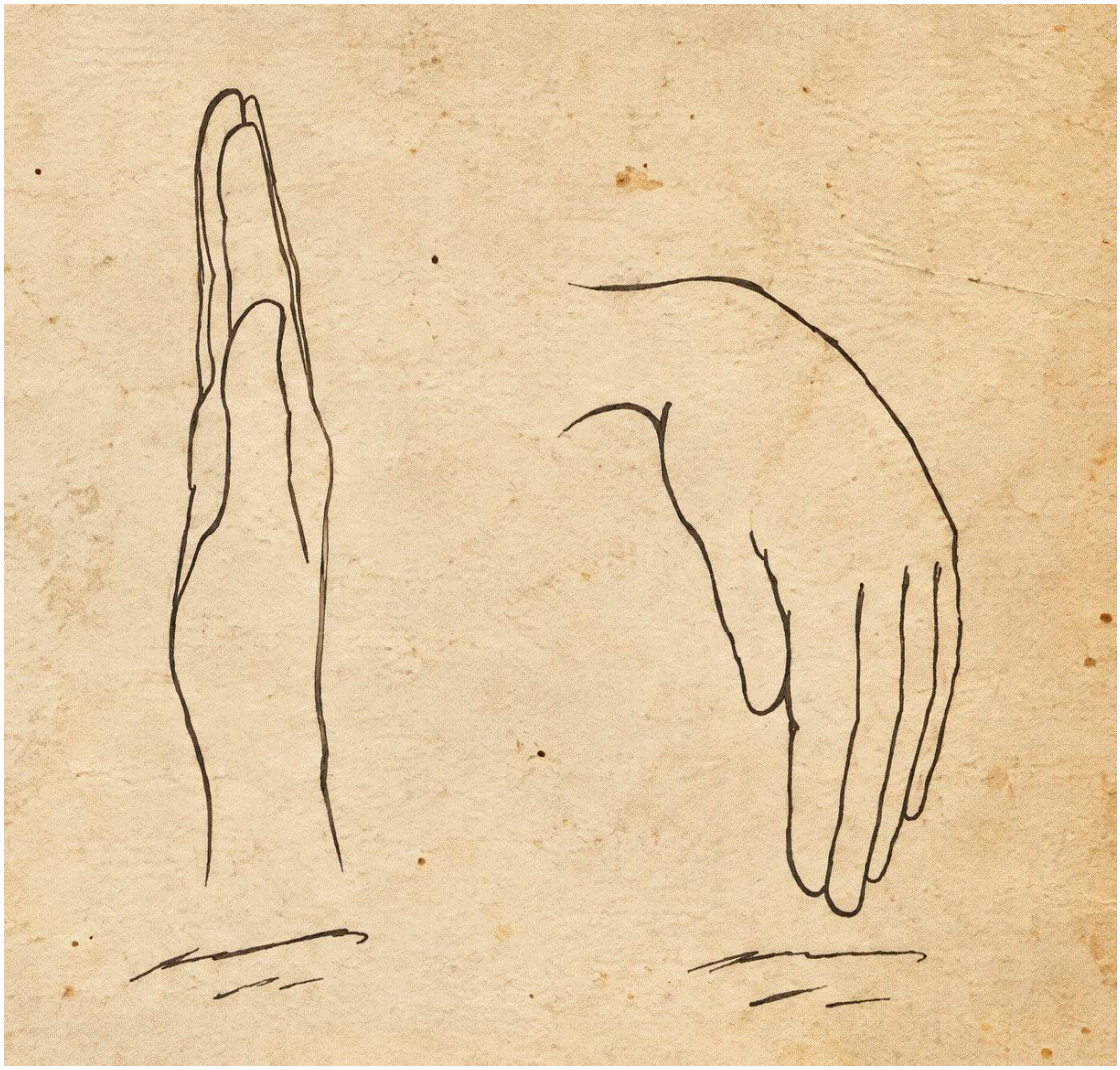
Тогда она в это верила.

Киддер поднял тетрадь. Рука писала ровно, и почерк спокойной руки в тишине канцелярии совпадал с почерком в шапке вашингтонских бланков до нажима пера.

— Значит, — сказал майор и на этот раз сам довёл фразу до точки, — донесения, которые я писал, мне никто не диктовал. Их диктовали листы. Которым я дал перо.

Мэрибет ответила не словами. Она сняла со стены ружейный ремень, пропитала его свечным воском (в подвальном холоде воск застывал медленно, и время было) и завязала петли на обоих концах. Потом показала Джошуа и Киддеру жест, который на реке понимали все: закрой.

Снаружи по западной стене шла колонна: сорок человек федеральной пехоты шли на учение без команды, молча и в ногу. Команды на учение никто не отдавал, а молча было лучше.



ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ. ИОРК

Комендант Киддер не отпустил бы колонну, если бы было кому её отпускать. Беда была в том, что приказ уже существовал. Сержант Хейл привёз его накануне вечером в запечатанной сумке. Сумка была настоящая, печать настоящая, и Хейл прочёл приказ вслух при офицерах так, как читают заведомо верную вещь, не ищущую под собой дна.

Приказ гласил: сержанту Хейлу с четырьмя десятками штыков идти по Винсеннскому тракту, три дня пути; осмотреть город Иорк; установить, по какой причине население прекратило словесный доклад; получить от гражданского начальства рапорт о числе и состоянии жителей; возвратиться.

Формулировку «прекратило словесный доклад» Киддер узнал: она была не из военного устава. Так страховые конторы писали в реестрах о реках и грузах. У кого-то в военном департаменте язык страхования съел язык устава, и Киддер, читая, понял: эту фразу никто не написал, она выросла сама.

Хейл был молод, прост и честен, как штык. В округе каждое из этих качеств уже стало опасным, а все три вместе — смертельными. В шесть утра он выстроил колонну на плацу, и тут случилось то, чего никто из сорока прежде не видел: к строю вышел сам Киддер, с фонарём, хотя уже светало, и сказал три вещи.

Первая: ничего найденного не читать. Ни бумаг, ни надписей, ни вывесок. Сжигать на месте не глядя, а сержант пусть зачитывает об этом приказ вслух.

Вторая: не повторять слов, услышанных от местных, даже при счёте. «Двадцать раз» говорить как «многажды».

Третью Киддер сказал, помолчав, и её запомнили все:

— Если встретите человека, который молчит и смотрит вам в глаза, не стреляйте. Это лучший из них. Стреляйте в того, кто заговорил первым.

Колонна ушла на север. Мэрибет Талл смотрела ей вслед с западной стены, рядом стоял Джошуа. Его опущенные руки делали малое, почти незаметное движение: так на его острове показывали на отплывающую лодку, когда не были уверены, что она вернётся.

Иорк они увидели за полдня до города по дыму. Дым стоял над городом ровным слоем, без столба. Хейл посмотрел на него в трубу и произнёс вслух (единственный раз за всю дорогу):

— Затопили горны. Готовятся к зиме.

Никто из сорока его не поправил. Каждому в отдельности дым виделся именно таким, а сказать «мне он видится иначе» значило начать разговор, на который не было приказа.

Город стоял на изгибе тракта, белый с чернотой, аккуратный, как кладбище при хорошей конторе. Колонна вошла в него в полдень. Улицы были чистые. Двери заперты.

Вывески висели новые: свежая краска, ровные буквы, один почерк на весь город. Булочная. Сапожник. Контора писем. Солдаты шли, глядя под ноги: приказ запрещал вывески, а улица была полна вывесок.

Дверь конторы писем стояла приоткрытой. На стойке лежала записка, повёрнутая лицом к двери. Читать её приказ не позволял, но заметить было можно: бумага лежала ровно, по линейке, и чернила просохли недели три назад. Записка была подписана, и больше ничего Хейл позволить себе заметить не мог.

У окошка почтовой станции стояла очередь: человек десять с узлами и сундучками, и никто не открывал рта. Окошко было закрыто изнутри, и изнутри никто не отвечал. Очередь не расходилась и не двигалась: люди стояли по привычке. Хейл повёл колонну в обход, не приближаясь. Вслед никто не оглянулся.

Между домами были натянуты бельевые верёвки, и на них висело бельё, выстиранное до блеска. Хейл отметил про себя, что стирка означает жизнь. Это была последняя его заметка про себя.

Потому что в пятом доме по правой стороне дверь открылась сама, тихо, как открывается дверь, когда хозяйка ждала гостей. На пороге стояла женщина с корзиной. Она посмотрела на солдат и раскрыла рот.

И не сказала ничего.

Лицо её работало. Губы шевелились, щёки двигались, в горле ходил воздух. Она произносила речь, обычную, хозяйскую, может быть, даже радушную, но звука не было. Хейл шагнул вперёд и увидел то, что потом трижды вписывал в рапорт и трижды вычёркивал, а в четвёртый раз оставил пустое место и сдал рапорт с пропуском.

Изо рта женщины, поверх губ, как дым через щель, выходила бумажная лента. Тонкая папиросная лента для телеграфных машин шла непрерывно и сворачивалась на пороге кольцами. Хейл опустился на колено (сам не заметил когда) и разобрал на её верхней стороне напечатанные строчки. Типографский шрифт. Ровный. С заглавными.

Женщина говорила печатно.

Лента была тёплой. Не от краски: краска не греет. От тела, через которое она шла. Поднявшись с колена, Хейл ещё долго чувствовал на пальцах это тепло и не мог решить, что страшнее: что в ленте было тепло или что тепло было типографским.

Нитка наматывается в клубок и кончается. Эта лента не кончалась: ложилась на порог и ползла дальше по доскам тротуара к соседним домам. Из-под других дверей навстречу выходили другие ленты, сшивались с ней и ползли вместе. Вся улица была выстлана бумагой, которая шла из дома в дом, как кровь по жилам.

Первую ошибку за эту дорогу Хейл сделал, ещё когда опустился на колено: он коснулся ленты. Солдаты стояли за ним, и кое-кто положил ладонь на дуло ружья, без приказа, как кладут ладонь на что-то родное, когда страшно.

Вторую ошибку он сделал теперь. Себе он не простит ни одной из двух, но расплачиваться за них будет не он.

Он наклонился и прочёл ленту вслух. Первое слово вышло его голосом, второе уже наполовину: дыхание сбилось раньше рта.

Три слова. Простые, городские, взятые с середины строки, потому что начало скрывал изгиб. На середине третьего слова он понял, что читает не текст. Текст был безобиден: погода, цена на кукурузу, учёт скота. Он читал темп. Ритм, в котором печатала машина, совпал с ритмом, в котором должен был ответить его собственный рот, и рот начал.

Сержант Гудвин, шедший за левым плечом, умел только одно. Он ударил Хейла рукоятью по губам, коротко, как останавливают испуганную скотину. Рот Хейла закрылся, из рассечённой губы пошла кровь, и лента под ногами на секунду остановилась.

И поехала дальше.

Гудвин этого не знал, но удар этот останется записанным за ним дольше, чем вся его служба.

Женщина на пороге закрыла рот рукой, медленно и старательно, как закрывают кран, из которого всю жизнь текла вода. И, закрыв, посмотрела на солдат по-человечески. В её глазах не было ни мольбы, ни страха. Была просьба, которую Хейл много позже сумеет записать в чистовике одной строкой:

Не читайте вслух. Мы уже научились молчать. Вы ещё нет.

Колонна простояла на улице четыре часа. Всё это время из-под дверей выходили ленты, сшивались, ползли, и ни одна не тронула солдат. Писать на людей шрифт не умел. Это умел только рот, а все живые рты в Иорке были заняты тем, что молчали.

На пятый час из глубины улицы вышла процессия, человек двадцать, с фонарями, зажжёнными среди дня. Впереди шёл старик в белом с дощечкой на шее. На дощечке углём было выведено:

МЫ НЕ ПИШЕМ. МЫ СТИРАЕМ.

Старик дошёл до Хейла, сел перед ним на тротуар прямо на ползущие ленты, вынул из-за пазухи шерстяную рукавицу и начал стирать напечатанное с бумаги, плавно и мерно, как моют пол. Стирал сверху вниз, строку за строкой, и при этом смотрел на сержанта. Рот его был открыт, и там, откуда у других шла бумага, лежал кусок воска.

Гудвин потом рассказывал, что это был самый страшный час его жизни, хотя страха он не испытывал. Он увидел, как выглядит человек, который выбрал.

Потом старик указал рукавицей на юг, вдоль тракта, откуда пришла колонна, туда, где за холмом оставались форт Каир, Киддер, Джошуа, Мэрибет и четыреста сожжённых бланков. И написал на дощечке углём, медленно, чтобы прочли все сорок:

ВАШ ФОРТ. ТРИ ДНЯ. ОН УЖЕ ЧИТАЕТ ВАС.

ГЛАВА ПЯТАЯ. ОБРАТНЫЙ АДРЕС

Из Иорка Хейл вернулся с укороченной колонной. Одиннадцать человек остались там по собственной воле, записавшись «в помощники к стирателям». Устава на такой случай не было, и Хейл отпустил их словесно, о чём потом не написал ни строчки. Одиннадцать штыков, оставленных в городе, где не говорят, стали уступкой тишине, которой не было ни в одном приказе.

Сам он ехал молча. Кровь на рассечённой губе запеклась чёрным. С Гудвином он об этом не заговаривал, и Гудвин понимал почему. Рапорт об Иорке полагалось писать на бланке военного департамента, а бланки в форте сожгли. Значит, рапорт придётся писать на чистой бумаге, и почерк у него будет собственный. А после Иорка Хейл больше не был уверен, чей это почерк.

Он думал об этом три дня пути. Дождь не переставал, шинели не сохли у костров, на ночёвках пахло дымом и мокрой шерстью. К третьему дню, увидев с гребня знакомую геометрию стен, сержант принял решение, которое спасёт ему жизнь и погубит карьеру: рапорт он напишет, но покажет его прежде всего не департаменту.

Он покажет его мальчику.

Руки Джошуа прочтут рапорт первыми. Если руки дрогнут, рапорт сгорит. Если не дрогнут, Хейл отдаст его Киддеру и встанет рядом, чтобы видеть, каким станет комендант, когда прочтёт.

Решение он принял за милю до форта и потому не заметил того, что видел уже полдня: дорога от Иорка до Каира была выстлана бумагой.

Через каждые двадцать шагов на обочине лежал листок лицом кверху, а на нём стояла печать. Та самая, орлиная, оттиск в оттиск. Кто-то шёл от города к форту и через каждые двадцать шагов клал на землю листок с печатью военного департамента, для тех, кто смотрит под ноги. Следов рядом не было, ни сапога, ни копыта. Листки лежали так, будто дорога сама отмеряла себя печатями.

Листки шли к форту. А колонна шла за ними.

ВСТАВКА. Письмо, найденное в подкладке корсета Мэрибет Талл

Передано караваном переселенцев в августе 1859 года вместе с часами Томаса Талла. Через сколько рук оно прошло, установить нельзя. Бумага казённая, военного департамента, с водяным знаком. Почерк в начале письма принадлежит Томасу Таллу: установлено по трём прежним его письмам. Почерк в конце не его. Переход происходит на четвёртой строке восьмого абзаца и видимого разрыва не имеет.

Мэрибет.

Пишу из Синклера, гостиница у переправы, третий день дожди, перо идёт с трудом. Ты просила писать о том, как выглядит Восток, и я пишу с удовольствием: всё, что я вижу, я хочу видеть твоими глазами, а иначе я теперь не вижу вовсе.

Вашингтон меня разочаровал. Не злодейством: никто здесь не злодействует. Он разочаровал меня трудолюбием. Ты бы видела, как работают департаменты. Они работают, как река подо льдом: всё ходит, всё движется, и нет ни одного лица, которое можно было бы спросить. Я подал бумаги, о которых ты знаешь, и их приняли так, как принимают счёт за соль, без вопросов и без благодарности. Мне обещали аудиенцию в марте. Пишут «в мартябре». Я не оговорился, Мэрибет, я перечитал: в мартябре. Здесь так теперь говорят все конторские, все, кто при департаменте. «В мартябре», а «в июне» пока ещё «в июне»: слова здесь сдаются не сразу. Я спросил клерка, почему так. Он помолчал и сказал, что месяцы больше не называют, месяц теперь один. Я не понял. Я и теперь не понимаю, но записываю, потому что ты просила

записывать всё непонятное. Непонятного здесь много, Мэрибет. Оно приходит ко мне вместе с бумагами.

Здесь всё хорошо подписано. Это первое, что надо уметь: здесь ничего не запрещено и всё подписано. Проекты, приложения, своды, верность, апробовано. Я думал, что бумага — это когда пишут. Здесь бумага — это когда уже написано, и люди ходят внутри написанного, как внутри дома, и окна у них на той же бумаге.

Я скучаю по реке. Не злись, что я это пишу: я скучаю не по тебе одной, а по всей реке, по мутной её воде и по тому, как у нас молчат утра. Здесь утра не молчат. Утро здесь самое говорливое время: газеты выходят к шести, и до восьми весь город ходит с открытым ртом и читает вслух, как молится. Я заметил, что вслух читают те, кто не понял бы, читая про себя. Все это знают, и никто не признается.

Ты писала мне о том, что видела на реке. Отвечу прямо: не повторяй мне этого. Я прочёл дважды. И я прошу тебя: сожги это письмо, когда прочтёшь, и никому, ни одному человеку, не пересказывай того, что ты видела у переправы. Ты описала слова, которые там звучали. Не повторяй их, Мэрибет. Тому, кто услышит, они не навредят. Но повтори ты их вслух хотя бы раз, и они навредят тебе самой.

Я знаю, как это звучит. Знаю, что ты скажешь: Томас, ты стал конторским. Может быть. Конторским здесь становятся легко, как сыреют в сыром климате. Но я говорю тебе как муж и как человек, который теперь работает с бумагами, о которых не просил, подписывает их, потому что они уже подписаны, и держит их, потому что отвечает за них кто-то другой. Я говорю тебе: на Востоке стало труднее быть живым, чем на Западе. Лучше объяснить не могу. Здесь труднее быть живым. Всё остальное легче.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.